

КРАЕВЕДЕНИЕ

Г. В. Мурзо

А. П. Чехов в Ярославле: «сюжет для небольшого рассказа»

Формулировка темы обязывает автора выявить и прокомментировать в избранном аспекте факты, связанные с пребыванием А. П. Чехова [1] в Ярославле. Однако решаемая в статье исследовательская задача шире – обнаружить все связи писателя с Ярославлем. Основным источником информации послужили письма и воспоминания. Они опубликованы, поэтому цитирование необильное, но способное поддержать баланс строгой документальности и свободы авторской интерпретации.

Ключевые слова: писатель А. П. Чехов, поэт Л. Н. Трефолев, Ярославль, Волга, ярославец М. П. Чехов, газета, театр, сюжеты для рассказов.

G. V. Murzo

A. P. Chekhov in Yaroslavl: “a Subject for a Short Story”

The formulation of the topic makes the author elicit and comment on in the chosen aspect the facts concerning A. P. Chekhov's stay in Yaroslavl. But the investigating task of the article is wider – to find out all writer's links with Yaroslavl. The main source of information is letters and memoirs. They are published, that is why the quoting is not numerous, but it is capable to keep the balance between strictness of documents and freedom of the author's interpretation.

Key words: writer A. P. Chekhov, poet L. N. Trefolev, Yaroslavl, the Volga, a citizen of Yaroslavl M. P. Chekhov, a newspaper, a theatre, subjects for short stories.

Первого марта 1886 г. А. П. Чехов, уже популярный сочинитель «пестрых рассказов», тяготеющий и к «области серьеза», впервые пишет на почтовом конверте «Ярославль», адресуя послание поэту Л. Н. Трефолеву. Автор «Камаринского мужика» и «Дубинушки» [2] сам обратился к московскому коллеге с письмом, поводом которому послужил готовившийся в это время по инициативе «Общества попечения о неимущих детях в Москве» «Сборник автографов русских писателей и рисунков facsimile русских художников».

Чехов знал о хлопотах вокруг издания и ведущей роли в нем Трефолева – ему об этом говорил «хороший приятель» Пальмин [3] и Лейкин, [4] редактор журнала «Осколки» [5]. Не исключал писатель и своего участия в сборнике («виду доброго дела я не прочь и даже был бы польщен» [43, т. 1, с. 201]), но по ряду причин сомневался в успехе инициативы, о чем откровенно признался Лейкину: «Мне кажется, что Трефолев очень хороший человек, но сборник его не состоится <...> Нельзя, живя в Ярославле, издавать в Москве <...> Я написал ему свои соображения» [43, т. 1, с. 210].

Конечно, Чехов был далеко не единственным, кого Трефолев просил о пожертвовании «рассказеца-автографа» по рекомендации Лейкина, но он

был одним из двух адресатов, ответивших сразу. Благодарный Трефолев писал рекомендателю: «От Чехова получил письмо. Судя по нему, он действительно хороший человек, а об его таланте я знал без Вас» [43, т. 1, с. 422]. Одинаково благоприятное впечатление от знакомства способствовало сближению.

Письмо Чехова объемное, «не скупое», написано легким слогом, со свойственным пишущему юмором: «Когда два поезда встречаются, то обыкновенно обмениваются свистками. Вы свистнули, теперь же позвольте мне свистнуть...» [43, т. 1, с. 207]. Кроме слов приязни к ходатаю «за погибающих ребятишек» и комплиментов его творчеству, в письме содержится несколько толковых советов относительно будущей книги и предложение помощи: «Исполнить мне какое-либо поручение будет нетрудно <...>. Не нужно ли Вам для сборника художников по части виньетки, рисунков и проч.? Вся московская живописующая и рафаэльствующая юность мне приятельски знакома <...>. Через юность нетрудно добраться и к заходящим светилам...» [43, т. 1, с. 208]. Предложение было принято и дало толчок продолжению переписки [6].

Еще знакомясь, Трефолев признавался, что очень любит «Антошу Чехонте» и при первой же

поездке в Москву хочет навестить его [43, т. 1, с. 423]. Ко второму письму прилагалась книга «Славянские отголоски. Стихотворения. В пользу балканских страдающих славян» с дарственной надписью автора. Отвечая Трефолеву, Чехов благодарил его за «пук» стихов, а автограф грозил поместить в особую папку. Это была шутливая форма признания, поддерживавшая шутовское обращение к «добрейшему, как самая добрая маменька», Леониду Николаевичу: наиболее интересные письма Чехов, действительно, с юных лет подшивал в папки [43, т. 1, с. 427].

Шутками украшен и тот фрагмент письма, где Чехов, давая пространные объяснения, рекомендует Трефолеву использовать Янова, Шехтеля и Николая Чехова [7] в качестве «хозяев и ответственных редакторов художественной части» готовящегося сборника. О себе говорит, что завален работой, строчит в «Осколки», «Петербургскую газету», «Новое время», но первый же свободный день отдаст сборнику [8].

Когда в 1887 г. вышла книга чеховских рассказов и очерков «В сумерках», он послал ее в Ярославль. Трефолев, тронутый вниманием, спрашивал письмом, чем отплатить ему за подарок: «Ежели желаете, пришлю <...> мою библиографическую редкость “Уединенного пошехонца” [9]. А не то соблаговолите принять мою карточку...» [43, т. 2, с. 407].

Не пересказывая дальнейшее, отметим, что старый поэт отнюдь не пренебрегал уже обычной в их переписке остротой. Чехов отвечал каскадом своих. Например, что не станет выбирать между двумя предложенными подарками и, «как человек жадный», хочет получить «того и другого по полному стакану», что карточку сопричтет к литераторам, украшающим его стол, а свою (Трефолев обещал «повесить» ее на стену, но «не казнить») называл «харей» и сулил доставить со временем. Возможно, здесь кроется упрек и извинение за все-таки не присланный «рассказец».

Обменявшись любезностями, они попрощались на время. Чехов приглашал Трефолева, в случае приезда в Москву, навестить его в Кудрине, где вся семья проживала в доме-комоды [10] «либерального» красного цвета [43, т. 2, с. 122–123].

Фотография Чеховым будет выслана, будет и короткое напоминание о желании иметь уведомление в ее получении долго молчащему Трефолеву [43, т. 2, с. 133]. Сам Чехов остался без обещанной «карточки», хотя лицо ярославского поэта не составляло для него секрета («Зачем Вы

так седы?» – восклицал он в письме), так как портрет видел не раз у Лейкина и Пальмина.

14 апреля 1888 г. Трефолев получил от Чехова письмо, в котором заключалась просьба: «Уважаемый Леонид Николаевич! На этих днях к Вам явится с моею визитной карточкой подозрительная личность <...> Это Дмитрий Иванов, крестьянин, 12 лет, грамотный, сирота, беспаспортный <...> По его словам, в Москву он приехал из Ярославля с матерью; мать умерла, и он остался на бобах. <...> На мой вопрос, хочет ли он ехать на родину, т. е. в Ярославль, он ответил согласием. Сестра моя собрала для него деньжишек и одежонки, и завтра наша кухарка повезет его на вокзал» [43, т. 2, с. 243–244].

Из рассказа следовало, что бездомный побирюшка был худ, бледен, много врал, сочинял болезни и не внушал большого доверия [11], но Чехов все-таки просил Трефолева помочь ему найти ярославскую тетку, законным порядком устроиться в городе и, может быть, дать работу в типографии, бывшей в ведении поэта.

В конце сделана приписка: «Был недавно в Питере. Хороший, деловой город. Москва спит и киснет. Все мы застыли и уподобились желе [12]. Поссорились было с Л. И. Пальминым, да опять помирились» [43, т. 2, с. 245].

Напоминание о Пальмине интересно тем, что последний минувшим летом катался по Волге, заезжал в Ярославль, виделся с Трефолевым [43, т. 2, с. 396]. Чехов был в курсе событий, почему, возможно, и упомянул о недолгой размолвке с общим приятелем. Сам Антон Павлович встретится со своим корреспондентом только в январе 1894 г. в Москве и то мельком [43, т. 5, с. 572], хотя в городе на Волге окажется много раньше, в апреле 1890-го.

Через Ярославль пролегал сахалинский маршрут Чехова: из Москвы поездом до Ярославля, потом пароходом по Волге и Каме до Перми, дальше опять поездом до Тюмени, четыре тысячи верст по Сибири в тарантасе на перекладных, снова пароходом по Амуру, а там морем до Сахалина, чтобы описать жизнь его вольных поселенцев и каторжан. Таким образом, Ярославль был первой остановкой на многотрудном и захватывающем новизной пути.

Чехов мог судить о городе по рассказам Гиляровского [13], о Волге – по картинам Левитана, писавшего золотые плесы, тихие волжские вечера.

Письма Чехова к родным и знакомым с дороги отразили непредубежденное восприятие путеше-

ственника, соединив документальность изложения с разговорными вольностями и необычайной художественной изобразительностью. Например, короткой запиской Ленскому [14] отъезжающий сообщал, что 21 апреля в 8 часов вечера он сел в поезд на Ярославском вокзале в Москве и что до Троицы [15] его провожала семья и Левитан [16] [43, т. 4, с. 64]. А в обстоятельном послании близким 23 апреля уже с борта парохода «Александр Невский» живописал встречу с незнакомым городом: «В Ярославле лупил такой дождь, что пришлось облечься в кожаный хитон. Первое впечатление Волги <...> отравлено дождем, заплаканными окнами каюты и мокрым носом Гурланда [17], который вышел на вокзал встретить меня» [43, т. 4, с. 65].

Чехов пробирался от перрона к пристани на извозчике в сопровождении дождя и молодого ярославца, с которым он познакомился в Ялте летом 1889 г. и которому помог начать писательскую карьеру [43, т. 4, с. 322, 558]. Представление о городе оказалось размытым. Запомнилось только множество церквей (думаем, он, следуя от Московского вокзала [18], увидел Спасо-Преображенский монастырь, церковь Богоявления, Ильи Пророка и другие по ходу экипажа), да запечатлелись в сознании безграмотные вывески, грязь, а на мостовой расхаживающие галки с большими головами [43, т. 4, с. 65].

Над собой и Гурландом Чехов иронизировал, изобразив метким карикатурным штрихом на фоне нелицеприятного портрета города, окрашенного и лирическими тонами неожиданного узнавания: «Во время дождя Ярославль кажется похожим на Звенигород, а его церкви напоминают о Перервинском монастыре...» [43, т. 4, с. 65].

Звенигород на реке Москве с Саввино-Сторожевским монастырем в ближайших окрестностях слыл местом удивительным, облюбованным, как и берега Волги, художниками-пейзажистами. За бальнеологический характер местность эту называли русской Швейцарией. Но Чехов, после окончания университета исполнявший должность здешнего уездного врача, лечил не праздных курортников, а страждущую бедноту, принимая иногда по 30–40 человек в день. В июльском письме 1884 г. к уже упоминавшемуся нами Лейкину находим сюжетно законченную сценку из того времени, соотносимую с теперешней ярославской зарисовкой по настроению, совпадающую по деталям: «...Страшно скучаю, сидя у окна и глядя на темное небо, льющее уже третий день нехороший, безостановочный

дождь... Перед моим окном гора с соснами <...> Налево заброшенный крепостной вал, левее лесок, а из-за последнего выглядывает Савва освященный» [43, т. 1, с. 118].

Упоминание о Николо-Перервинском монастыре, что на юго-востоке Москвы, также легко коррелирует со сложившимся представлением Чехова о знаменитых ярославских храмах.

Надо признаться, что специального внимания к архитектурным красотам Ярославля у него не было – больше привлекал природный ландшафт. Еще перед отъездом Антон Павлович писал в Петербург издателю Суворину [19], связанному с ним деловыми и дружескими отношениями: «Следующее письмо получите с Волги, которая, говорят, очень хороша. Я нарочно еду в Ярославль, а не в Нижний, чтобы побольше захватить Волги» [43, т. 4, с. 64]. А вот и идиллический эскиз Волги для домашних, с интимизирующими изображаемое подробностями и оговорками: «...Узрел солнце. Волга недурна; заливные луга <...> раздолье удивительное, куда ни взглянешь, всюду удобно сесть и начать удить. На берегу бродят классные дамы и щиплют зеленую травку, слышится изредка пастуший рожок. Над водой носятся белые чайки, похожие на младшую Дришку» [20; 43, т. 4, с. 65].

Позже, смешивая краски пережитой весны и воображаемой осени, солнца и дождя, радости и раздражения, трансформируя детали увиденного, меняя то явно, то едва заметно пятна и линии этюдов, Чехов создаст собственную картину Волги – воспоминание и отлет фантазии одновременно:

«Второго сентября день был теплый и тихий, но пасмурный. Рано утром на Волге бродил легкий туман, а после десяти часов стал накрапывать дождь. <...> А Волга уже была без блеска, тусклая, матовая, холодная на вид. Все, все напоминало о приближении тоскливой, хмурой осени. И казалось, что роскошные зеленые ковры на берегах, алмазные отражения лучей, прозрачную синюю даль и все щегольское и парадное природа сняла теперь с Волги и уложила в сундуки до будущей весны, и вороны летали около Волги и дразнили ее, «Голая! Голая!» [21].

Тяга к Волге не прошла с годами. В августе 1894 г. Чехов снова оказался в Ярославле, потому что решил осуществить речной вояж на родину. Спутником его стал Потапенко [22]. Спустя какое-то время Чехов по привычке корреспондировал Суворину, чтобы поведать о невероятном за-

вершении экспедиции, где Ярославль опять фигурировал как отправная ее точка:

«Наша поездка на Волгу в конце концов оказалась довольно странной. Я и Потапенко поехали в Ярославль, чтобы отплыть оттуда до Царицына, потом в Калач, отсюда по Дону в Таганрог. Путь от Ярославля до Нижнего красив, но я раньше уже видел его» [43, т. 5, с. 309].

Действие разворачивалось в совсем не идиллических волжских декорациях: невыносимо жаркая каюта, а на палубе хлещущий «по физиономии» ветер и раздражающая своим поведением, «неинтеллигентная» публика. «В Нижнем нас встретил Сергиенко [23], друг Льва Толстого, – продолжал Чехов. – От жары, сухого ветра, ярмарочного шума и от разговоров Сергиенка мне вдруг стало душно, тошно, я взял свой чемодан и позорно бежал на... вокзал. За мной Потапенко. Поехали обратно в Москву...» [43, т. 5, с. 309].

С досады, обернувшейся «дурашливым настроением», Чехов готов был двинуться хоть в Лапландию, но уехал в южную Европу – Аббаццино, Милан, Геную, Ниццу, что, впрочем, не менее далеко от Волги.

По возвращении осенью Антон Павлович получил письмо от Трефолева с предложением прислать ему переизданную книгу стихов 1864–1893 гг. с авторской «подписочкой». Ответил незамедлительно: «...я буду рад ей как хорошему, милому гостю. Неужели, чтобы доставить человеку удовольствие, нужно предварительно спрашивать у него позволение?» [43, т. 5, с. 329]. Послание было и короче, и сдержаннее прежних, умереннее была шутливость, но душевная теплота не исчезла, не скрылась за остротами признательности: Чехов обещал отправить в Ярославль печатавшийся сборник своих рассказов и книгу «Сахалин», когда она выйдет отдельным изданием [43, т. 5, с. 329].

Писем от поэта больше не приходило, но сведения о его жизни Антон Павлович получал иногда от своего брата, на шесть лет ставшего ярославцем и знавшего Леонида Николаевича Трефолева лично [46, с. 132, 173].

Михаил Павлович Чехов, податной инспектор, переведенный из Углича в Ярославль на должность начальника отделения городской казенной палаты, обосновался с женой Ольгой Германовной в доме купчихи А. Н. Шигалевой на углу Духовской и Дворянской улиц (ныне пересечение Республиканской и проспекта Октября. – Г. М.) [46, с. 93].

Молодому чиновнику нравился Ярославль, большой и сравнительно передовой губернский город [8], дававший шанс для проявления разнообразных талантов, нравилась и Волга, тенистый берег которой создавал иллюзию почти дачной благодати. Супруги изустно, наезжая в Мелихово и покидая его, уже в письмах звали родных погостить. Так звучал эпистолярный призыв Михаила к сестре Маше: «Неужели никогда не взглянешь в Ярославль? Ужасно хотелось бы принять тебя у себя» [46, с. 95]; «Кланяйся мамаше и гони ее... к нам [46, с. 96]; «Передай мамаше, что таких базаров, как в Ярославле, я сроду не видел... Продавайте-ка имение, да купите домишку в Ярославле, где-нибудь на краю, на берегу Волги, где еще мало городской жизни!..» [46, с. 103]. Особенно хотелось Михаилу увидеть у себя Антона, духовную связь с которым он ощущал очень остро.

Михаил Павлович договорился с братом посетить Всероссийскую промышленную и художественную выставку, открывшуюся в Нижнем Новгороде 28 мая 1896 г. Антон Павлович планировал: поездом он едет на станцию Максатиху [24] навестить Суворина в его недавно купленном имении, затем поездом следует в Рыбинск, где садится на пароход. В Ярославле к нему подсаживается Михаил, и вдвоем они отправляются в Нижний. Этот план осуществился предположительно 22–25 июля, но не полностью.

Антон Павлович выехал из Мелихова 20 июля, повидался с Сувориным и отбыл в Ярославль, а потом рассказывал издателю в письме: «От Максатихи до Рыбинска одна сплошная скука, особенно в жару. От Рыбинска до Ярославля тоже невесело. Преобладающее впечатление – это ветер, <...> и все наслаждения исчерпываются солянкой из стерляди, после которой долго хочется пить. На пароходе ни одной интересной женщины, не с кем слова сказать, все картузы, сальные, захватанные морды, арестанты, звенящие кандалами, и плохое теплое пиво» [43, т. 6, с. 165].

Чем не экспозиция будущего рассказа, не перспектива характеров?

У Михаила Павловича возникли в тот момент денежные затруднения из-за долгов, оставшихся после свадьбы и переезда из Углича в Ярославль. По этой причине совместную поездку в Нижний отменили. Антон Павлович сошел на берег в Ярославле, навестил брата на Духовской улице, переночевал у него, выкупался в Волге и уехал в Москву и Мелихово [25]. А в конце августа Ми-

хаил объяснял сестре: «Собирались было на выставку, помышляли даже тебя выписать, чтобы по Волге вместе проехаться, да пластырю не хватило. Бог даст, увидим в Париже всемирную...» [46, с. 103].

Из Мелихова протянулась еще одна ниточка, косвенно связавшая семейство Чеховых с Ярославлем. Ее воплощал сосед по усадьбе князь Сергей Иванович Шаховской [26], брат известного ярославца, в будущем члена 1-й Государственной думы от партии кадетов, земца Дмитрия Ивановича Шаховского [2]. С. И. Шаховской тесно общался с А. П. Чеховым не только по соседски, но и как земский начальник с попечителем уездных школ и училищ [43, т. 7, с. 19, 41; т.8, с. 221, 338]. О школьных вопросах Михаил, по подсказке Трефолева, советовал Антону Павловичу справляться у князя Дмитрия, который в этом деле «собаку съел» [46, с. 132].

Д. И. Шаховской был и среди тех, кто затевал в Ярославле политическую, общественную и литературную газету «Северный край», активным сотрудником которой станет Михаил Павлович, до момента ее возникновения писавший в «Ярославские губернские вести». Через него А. П. Чехова, необычайно популярного в Ярославле [27], настойчиво приглашали к участию в новом проекте. Михаил писал брату в Ялту в октябре 1898 г.: «Мне опять навязывали 50 руб<лей> за твой рассказ, обещанный тобою в “Северный край”. Напиши, брать ли их <...> Ходят слухи, но пока редакция скрытничает, что железнодорожник и мурманщик Мамонтов [28], заинтересованный в Северном крае, предлагает на издание свои деньги. Редактором земского отдела приглашен князь Дм. И. Шаховской <...> Вообще газета будет очень порядочная...» [46, с. 152].

Через несколько дней Антон Павлович поддержал тему, ответив брату: «“Северному краю” скажи, что я пришлю что-нибудь, только после. Пусть высылает газету» [46, с. 155]. «Высылать газету» должен был ее основатель и редактор Эдуард Германович Фальк. Он сам получил письмо от А. П. Чехова [46, с. 157], на основании которого, вероятно, в первом номере газеты, начавшей выходить с 1-го декабря 1898 г., Чехов [29] упомянут в перечне лиц, давших согласие на сотрудничество.

Михаил не считал возможным поставить собственное имя в список сотрудников одновременно с именем Антона Павловича – оно будет внесено туда лишь 16 декабря. Но еще до этого он поместит в газете свой перевод с английского, а далее

одна за другой будут печататься его театральные рецензии. Подписывался он криптонимом «Ч» или не подписывался вовсе, но ярославская театральная публика его знала. Антон Павлович, исправно получавший газету в Ялте, писал в двух разных письмах брату, имея в виду уже высказанные тем оценки: «Читаю “Северный край” и не нахожу, что это интересная газета. Отдаю для прочтения одному учителю, вологодскому уроженцу, и тот в восторге» [43, т. 8, с. 69; 30]

Судя по разбросанным в письмах к Михаилу замечаниям, Антон Павлович все-таки регулярно просматривал «Северный край»: «Если это ты пишешь рецензии (подпись Ч.), то поздравляю, они очень недурны» [43; т. 8, с. 321]. И отмечал: «Надо хронике побогаче. Провинц<иальные> корреспонденты хороши, особенно из Вологды» [43; т. 9, с. 36].

Начиная с апреля 1900 г. в течение более чем двух недель «Северный край» ежедневно помещал на своих страницах заметки и статьи, касающиеся празднования 150-летия русского театра в Ярославле. Из обеих столиц прибыли знаменитые актеры, к ним присоединился драматург Сухово-Кобылин. Труппа петербургского Александринского театра показала не только его «Свадьбу Кречинского», но и «Ревизора» Гоголя; московский Малый – «Горе от ума» Грибоедова, «Грозу» Островского [47, с. 419].

Приехавший из Ялты А. П. Чехов остался в Москве у постели умирающего Левитана. О Волковских торжествах он знал со слов Михаила, специально примчавшегося к нему на сутки поделиться впечатлениями [46, с. 190]. Эти впечатления сберег фрагмент книги, написанной Сергеем – сыном Михаила – более тридцати лет спустя. Михаил Павлович рассуждал о постановке «Ревизора» с Давыдовым [31], Варламовым [32], несравненной Савиной [33]: «... Не помню, чтобы когда-нибудь я видел лучшее исполнение. Артисты были вдохновлены не только самой пьесой <...> и не только тем, что их слушала избранная, съехавшаяся на торжества со всех концов России публика, но, как они мне говорили после спектакля, еще и тем, что на их долю выпала высокая честь выступать в первом русском театре и именно в такой великий для каждого сценического деятеля день» [45, с. 276].

Театральный сезон 1900–1901 гг. антрепризу в Ярославле держал Дарский [34], еще недавно входивший в труппу МХТ. Одним из трех спектаклей, открывавших сезон, была «Чайка» [35]. Антон Павлович прислал ярославскому театру

приветствие в связи с постановкой его пьесы. Чехову была отправлена ответная телеграмма труппы [46, с. 197].

Спектакль имел шумный успех. В петербургском журнале «Театр и искусство» была помещена рецензия с почти полной подписью «М. П. Чех-в»: «Без преувеличения можно сказать, что за все существование нашего театра (если не считать юбилейных спектаклей на Волковских торжествах) Ярославль не видел такой тщательной разработки, такого тонкого понимания дела и такой художественной постановки. <...> Боясь пошевелиться на скрипучих стульях (ужасные стулья!), весь театр, как один человек, внимал исполнению. Вызывали всех...» [46, с. 194]. Однако в письме брату «рецензент» не был снисходителен к недостаткам: «Два раза шла “Чайка”. Поставлена была <...> прямо-таки прекрасно. Но Дюшка Шаврова [36] совсем испортила Нину Заречную. Разинет рот, выпучит глаза <...> и кричит мещанским голосом <...> Нет, Антон, перевелись теперь инженеру! Говорю это тоном твоей “Живой хронологии”...» [37; 46, с. 167].

Литературные параллели, игра воображения, модуляции были в арсенале Михаила Павловича. Кроме роли театрального критика, он пробовал и роль режиссера, ставя водевили с самодеятельной труппой, и роль актера, читающего со сцены свои рассказы, а также рассказы брата [46, с. 82, 126, 132, 172]. Как отец Михаил пользовался успехом. Разнообразная в своих проявлениях театральная жизнь отвлекала его от скучных служебных дел, писательство давало ощущение творческой перспективы.

Однако напряженные отношения Михаила Павловича с начальником [38] и некоторыми коллегами мешали полету. Тень разочарования ложилась и на Ярославль: в реалистических набросках города появились и «чеховская ирония», и прямые реминисценции. Выбранное нами в качестве примера описание – фрагмент письма Михаила в Ялту, где было тепло и пребывали родные, готовые понять его тоску, простить невозможность, заметить и оценить азарт хроникера:

«...Ходим в высоких, положительных калошах, точно в таких, как у Антошиного “Человека в футляре”. Выйдешь на улицу и ступаешь зря, не разбирая куда именно: в грязь так в грязь. Все равно темно, да и тротуаров кроме как на трех улицах – нигде нет. Нужно только удивляться, какая убогая городская жизнь наших северных городов! Чуть не весь год здесь холодно и идет дождь и ровно ничего не придумано против гря-

зи. Извозчики – это ума помраченье! Какие-то кляксы!.. А посмотрите вы на нашего купца, что это за тип любезный. Ведь это такой сукин сын, каких на юге и не встретишь. Один язык его чего стоит!» [46, с. 171].

Тогда же Антон Павлович, видевший причину неприятностей брата в мелочных нравах близкого ему круга людей, презренной трусливости их перед наделенными властью, в жалком приспособлении к обстоятельствам, советовал Михаилу, пытавшемуся изменить свое официальное положение: «Ты бы стремился не в управляющие, а поближе к Москве, а то бы и в самую Москву. Провинция затягивает нервных <...>, отсасывает у них крылья» [43, т. 8, с. 321].

Михаил хорошо знал провинцию и этим знанием щедро делился с Антоном Павловичем. Человеческие типы, городские сценки, анекдоты, которые он привозил с Оки и Волги (из Алексина, Серпухова, Углича, Ярославля), были «сколками» окружающей действительности, давали материал для творчества, обуславливали актуальность «чеховских образов» [44]. Те, в свою очередь, становились частью не только художественной реальности – самой жизни. В разное время провинциал Михаил Чехов, рассуждая и сетуя, сравнивал себя с учителем Медведенко, с Ивановым [46, с. 169, 207] – героями, лишенными крыльев или не сумевшими их расправить.

Теперь, сопротивляясь давлению обстоятельств, Михаил Павлович, уже имевший опыт писательства, решил посвятить себя литературе и, очарованный северной столицей, вдруг открывшимися перед ним возможностями, спешил опалить крылья в Петербурге. Антон Павлович вновь поддержал брата: «В Петербурге будет хорошо, лучше, чем в Ярославле» [46, с. 207].

Знаменитый писатель тоже перевернул ярославскую страницу, подарив длинной истории города свой собственный сюжет.

Примечания

1. Чехов Антон Павлович (1860–1904) – русский писатель.
2. Трефолов Леонид Николаевич (1839–1905) – поэт, переводчик, краевед, в 70–80-х гг. земский деятель, к началу переписки с Чеховым был редактором «Вестника Ярославского земства»; Трефолов и Чехов обменивались письмами в течение восьми лет, с 1886 по 1894 г. [43, т. 1, с. 563].
3. Пальмин Лиодор Иванович (1841–1891) – поэт и переводчик, печатался в «Будильнике», «Осколках», «Стрекозе», «Русской мысли» [43, т. 1, с. 554].

4. Лейкин Николай Александрович (1841–1906) – писатель-юморист и журналист, с 1822 по 1905 г. редактор-издатель журнала «Осколки», с которым сотрудничал А. П. Чехов [43, т. 1, с. 557].
5. «Осколки» – юмористический литературно-художественный журнал с карикатурами, выходил в Петербурге в 1881–1916 гг. [43, т. 1, с. 554].
6. Известно 7 писем Чехова к Трефолеву и 6 писем Трефолева к Чехову (1886–1894).
7. Янов Александр Степанович (1857 – ок. 1914) – художник, работал декоратором в театре Корша; Шехтель Федор Осипович (1859–1926) – архитектор, с 1902 г. академик, автор рисунка на обложке первого издания «Пестрых рассказов» А. П. Чехова; Чехов Николай Павлович (1958–1889) – художник, брат А. П. Чехова, автор иллюстраций к его произведениям, сотрудничал в юмористических журналах [43, т. 1, с. 568, 571, 572].
8. Во второй, художественной, части сборника будут использованы рисунки И. Левитана и А. Янова. А. П. Чехов в сборнике не участвовал [43, т. 1, с. 427].
9. Это мог быть «Уединенный пошехонец» – первый русский провинциальный журнал, выходивший в Ярославле в 1786–1787 гг., или переиздание 1886 г., предпринятое к его столетию. Существовала также брошюра Л. Н. Трефолева «Заметка о первом русском провинциальном журнале “Уединенный пошехонец”», выпущенная в 1882 г. в Ярославле [5; 2, с. 407].
10. Двухэтажный коттедж на ул. Садовой-Кудринской, прозванный комодом.
11. Знакомый Чехова, смотритель одного большого училища-пансиона, пожертвовал мальчугану из казенного добра необходимые личные вещи, однако писатель опасался, что изворотливый лгунишка, распродав «приданое», на поиски тетки не отправится. Так вот, мальчик с визитной карточкой Чехова к Трефолеву приходил, однако в Ярославле не прижился, и скоро его вновь видели в Москве [43, т. 2, с. 478].
12. И. Н. Потапенко, хорошо знавший Чехова, отмечал, что Петербург был для Антона Павловича чем-то желанным и в то же время, из-за болезни, запретным. Коренное различие двух российских столиц в смысле внешнего вида и нравов акцентировалось в интеллигентном обществе. Для писателя же, особенно для беллетриста, это отличие состояло в том, что литература тогда была почти вся сосредоточена в Петербурге. Не будучи москвичом по рождению и не став им по существу, Чехов все же нес на себе «московский отпечаток» [39, с. 338–340]. Цитата из письма к Трефолеву имеет, на наш взгляд, силу признания.
13. Гиляровский Владимир Алексеевич (1853–1935) – русский писатель, поэт, журналист [41]. В 1885 г. в «Русских ведомостях» был опубликован его беллетризованный очерк «Обреченные», написанный на материале ярославской жизни. Чехова Гиляровский знал и дружески общался с ним в течение двадцати лет.
14. Ленский Александр Павлович (1847–1908) – артист и режиссер московского Малого театра [40].
15. Троице-Сергиева лавра была первой остановкой дальних поездов Ярославской железной дороги.
16. Левитан Исаак Ильич (1860–1900) – русский художник, друг Чехова. «Вечер на Волге» (1888), «Волга» (1889), «Вечер. Золотой плес» (1889).
17. Гурланд Илья Яковлевич (1868 – ?) – студент Демидовского юридического лица, ставший позднее профессором административного права этого учебного заведения и членом совета министров внутренних дел; писал под псевдонимом Арсений Гуров («Утро нотариуса Горшкова») [43, т. 4, с. 598].
18. В. А. Гиляровский писал: «Вокзал тогда был один, Московский, и стоял, как и теперь стоит, за речкой Которослью», «...от вокзала до Которосли, до Американского моста, как тогда этот мост назывался, расстояние большое...» [42, с. 75, 76].
19. Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – драматург, беллетрист, с 1876 г. издатель газеты «Новое время», в которой печатался Чехов, сотрудничали его братья Александр и Михаил [43, т. 1, с. 562].
20. Домашние знали страсть Антона Павловича к рыбной ловле; классных дам гимназии Л. Ф. Ржевской, где преподавала М. П. Чехова, он называл «коровками» (родственники Ржевской имели молочную ферму и молочные магазины в Москве) – отсюда и понятный перифраз, а «Дришка» – прозвище общей знакомой, Д. М. Мусиной-Пушкиной, в замужестве Глебовой [43, т. 4, с. 410].
21. Цитируемый текст взят из рассказа А. П. Чехова «Попрыгунья», впервые опубликованного в петербургском литературно-художественном журнале «Север» за 1892 г. (№ 1). Инкрустируя отрывком из художественного произведения иноязычного контекста, осуществляем своеобразный мыслительный эксперимент.
22. Потапенко Игнатий Николаевич (1856–1926) – весьма популярный в те годы писатель («В потемках», «Общий взгляд» и др.). Оставил воспоминание об этой поездке, дал свое объяснение случившемуся в Нижнем [39, с. 338–340].
23. Сергиенко Петр Александрович (1854–1930) – беллетрист, публицист, литературный критик, соученик Чехова по таганрогской гимназии («Дэзи», «Сократ», «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой», «Жизнь» в соавторстве с Потапенко) [43, т. 5, с. 650].
24. Максатиха – в те годы станция Рыбинско-Бологовской железной дороги Тверской губернии Бежецкого уезда близ впадения р. Волчины в р. Мологу [40].
25. Небезынтересно заметить, что дожди если не преследовали его, то норовили встретить. По прибытии в Мелихово Чехов писал Суворину: «У Вас идут уже дожди? На пути от Ярославля к Москве я был встречен черными дождевыми тучами» [43, т. 6, с. 165].

26. Шаховской Сергей Иванович (1865–1908) – князь, земский начальник, познакомился с Чеховым, когда в 1892 г. было куплено Мелихово, находившееся рядом с его имением; отношения двух семейств были дружеские [43, т. 5, с. 659].
27. В письме Михаила к брату: «Ты здесь ужасно популярен» [46, с. 142].
28. Мамонтов Савва Иванович (1841–1918) – промышленник, меценат, содержатель частной оперы в Москве [40].
29. А. П. Чехов в «Северном крае» никогда не публиковался.
30. Упомянутый – Щукин Сергей Николаевич (1873–1931), священник, учитель ялтинской церковной школы и литератор, писавший под псевдонимом Вознесенский («Глупости Ивана Ивановича») [43, т. 8, с. 410]. С Чеховым познакомился, когда принес деньги, собранные им для голодающих: местная газета объявила, что живущий на ялтинской даче писатель Чехов участвует в сборе. Узнав в госте северянина, Антон Павлович предложил ему несколько номеров понравившейся газеты. И позже где бы Чехов ни был (в Москве, в Мелихово, в дороге), он каждые 2–4 дня постоянно присылал новому знакомому «Северный край» [39, с. 455–458].
31. Давыдов Владимир Николаевич (1849–1925), настоящее имя Иван Николаевич Горелов, – артист Александринского театра, в «Ревизоре» в разное время играл Городничего, Хлестакова [41].
32. Варламов Константин Александрович (1849–1915) – актер Александринского театра, в «Ревизоре» – Городничий [40].
33. Савина (урожд. Подраменцова) Мария Гавриловна (1854–1915) – артистка Александринского театра, в «Ревизоре» – Марья Антоновна. В пьесах Чехова исполняла роли Саши в «Иванове», Аркадиной в «Чайке» [41].
34. Дарский (настоящая фамилия Псарьян) Михаил Егорович (1865–1930) – актер и режиссер [43, т. 8, с. 657].
35. «Чайка» была не первая из чеховских пьес, поставленных в Ярославле: в сезон 1898–1899 гг. на ярославских подмостках шел «Иванов» [46, с. 158].
36. Шаврова Ольга Михайловна (по мужу Дарская, по сцене Оленина) (1875 – не ранее 1914) – актриса, хорошая знакомая семьи Чеховых, которые за милость называли ее «Душка» или «Дюшка» [46, с. 194].
37. Еще в конце января 1899 г. из Ялты Антон Павлович сообщил сестре Маше, что у них проводятся пушкинские дни, и на сцене местного театра в благотворительных целях дают «Бориса Годунова». Однако сыграть Марину и Самозванца было некому, и Чехов просил сестру поспособствовать приезду Дарских: «Хочется, чтобы эти роли исполнялись настоящими, интеллигентными артистами» [43, т. 8, с. 53]. Интеллигентности исполнения, по мнению Михаила, как раз и не хватало в «Чайке» Шавровой-Олениной. Скоро нарекания вызвал и Дарский [46, с. 197].
38. Непосредственным начальником Михаила Павловича по службе в казенной палате был управляющий М. С. Кропотков, действительный статский советник, потомственный дворянин, крупный помещик, чопорный и подозрительный, раздраженный независимостью и вездесущностью подчиненного [46, с. 93, 171, 201–202].
39. А. П. Чехов в воспоминаниях современников / под общ. ред. С. Н. Голубева и др. – М., 1960.
40. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. 2007. 3 CD-ROM.
41. Брокгауз и Эфрон. Энциклопедия. 2004. 6 CD-ROM.
42. Гиляровский, В. А. Сочинения : в 2 т. – Т. 2. – Калуга, 1994.
43. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений в 30 тт. Письма в 12 тт. – М., 1974 и др.
44. Чехов, М. П. Антон Чехов и его сюжеты. М. 1923.
45. Чехов, М. П. Вокруг Чехова. – М., 1964.
46. Чехов, С. М. О семье Чеховых. – Ярославль, 1970.
47. Ярославль: История города в документах и материалах от первого упоминания до 1917 года / под ред. д-ра истор. наук, проф. А. М. Пономарева. – Ярославль, 1990.